

Дискуссия в клубе плановых работников

им. Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО

Доклад Н. А. Ковалевского¹

Разрешите в последней части доклада кратко остановиться на критическом просмотре того, что есть в нашей литературе по части методологии генерального плана. К сожалению, приходится констатировать нашу крайнюю бедность в этом отношении. Когда мы поставили своей задачей почерпнуть все возможное из существующих литературных материалов для разработки и уточнения методологии построения генерального плана, мы должны были констатировать, что мы вынуждены идти своим собственным путем. Просмотр, например, литературы мест приводит в этом отношении к чрезвычайно печальным результатам. В прошлом году у нас в Союзе было свыше 400 экономических журналов, а если говорить о социально-экономической литературе в более широком смысле, то их было около 750, помножьте это на ряд лет и вы получите десятки тысяч экземпляров книг. Из этих десятков тысяч книг колоссальнейшее большинство падает на местную прессу. В ней вы найдете свыше сотни работ по генеральному плану и среди них лишь 3—4 небольших статьи, посвященных вопросам методологии его построения. Я остановлюсь здесь на более ранней из них; другие относятся преимущественно к 1927 г. и писаны уже под влиянием директив Госплана.

Я имею в виду вот эту книжку: „Наше хозяйство“ (рязанское хозяйство). В ней писал некий тов. Р-кий из Рязани. Он писал „О методе построения генерального плана развития сельского хозяйства“. Статья эта тем более интересна, что она написана в 1923 г., когда в союзной литературе по вопросам методологии перспективного планирования еще ничего найти нельзя. И вот в 1923 г. этот

¹ Первую центральную часть доклада, посвященную положительному построению методологии и программы генерального плана и представляющую собой изложение работы докладчика, напечатанной в № 4 „План. Хоз.“ за текущий год, мы здесь опускаем. Помещаем лишь последнюю часть доклада, посвященную критическому рассмотрению нашей литературы по методологии генерального плана.

В интересных и весьма содержательных прениях по докладу, развернувшихся в течение двух заседаний, высказалось 18 товарищей. По недостатку места мы вынуждены поместить здесь наиболее экономически значительные и интересные из этих выступлений. Стенограммы (за исключением речи В. А. Базарова) обработаны авторами. Р е д.

рязанский товарищ здесь высказывает некоторые весьма интересные вещи, которые полностью сохраняют свою значимость и сейчас. В противовес той статистической серости и абстрактности средних чисел, которая была распространена у нас в течение переходного периода от генеральных проектировок плана ГОЭЛРО к настоящему времени, когда идет работа над созданием первого перспективного народнохозяйственного плана в условиях новой экономической политики, этот товарищ уже в 1923 г. ставит вопросы довольно конкретно. Он говорит: тщательное исследование, изучение отдельных районов, строгий анализ их особенностей, определение и выявление основных положительных тенденций эволюции сельского хозяйства каждого района должны составить одну из главных задач построения генерального плана его развития. „Принципы районирования, — говорит он, — являются особенно ценными и необходимыми для Рязанской губ., различие природных и экономических условий отдельных местностей которой должно, несомненно, отразиться на характере развития сельского хозяйства как во всем его целом, так и в специальных его отраслях“. Как видите, товарищ задумался о судьбах своего края и совершенно конкретно мыслит пути его развития. Он ставит задачу не только обрисовать общие контуры развития сельского хозяйства, но и наметить „организационные типы хозяйства“ по районам, „наиболее отвечающим местным естественно-историческим и экономическим условиям“. Однако, рядом с этими совершенно правильными установками, под которыми можно подписаться и сейчас, имеется одна установка, на которой я остановлюсь, потому что она имеет для нас интерес по отношению к литературе союзного порядка. Этот рязанский товарищ говорит „Тот срок, в течение которого возможно ожидать переустройства сельского хозяйства на началах, полагаемых в основание генерального плана, определяется из опыта западно-европейских стран (разрядка моя. Н. К.), сельское хозяйство которых переживало в свое время те же этапы в своем развитии, которые имеют место и у нас“. Дальше он говорит: и там господствовало трехполье, низкая урожайность, несовершенство технических приемов севооборота, остро стоял кормовой вопрос и т. д. — все это сравнительно недавно переживало западно европейское хозяйство и при всем том оно в течение 20—25 лет смогло перестроиться на рациональных началах и достигнуть высокой степени процветания. „Этот же срок, — заключает он, — можно считать достаточным при разработке генерального плана и для нашего сельского хозяйства“.

Мы, однако, считаем это совершенно не критическим приемом перенесения опыта развития сельского хозяйства капиталистических стран в нашу страну со всеми ее особенностями. Аргумент, который автор приводит далее в защиту своего положения, на деле обращается против него самого: „Особенно принимая во внимание быстрый темп нашего роста, обеспеченного сосредоточением власти

в руках трудящихся". Именно это понимание особенностей нашего строя и должно было бы привести автора к мысли о недопустимости простого перенесения темпов развития стран капитализма на наши проектировки. Я подробно остановился на этом дефекте его маленькой статьи, потому что это имеет для нас интерес с точки зрения тех споров, которые велись здесь у нас в Госплане и за стенами Госплана.

У В. А. Базарова имеется литературный документ, являющийся в отношении литературных дебатов по методологии перспективного планирования первым (если не считать еще более ранних споров об едином хозяйственном плане). Я имею в виду его брошюру: „К методологии перспективного планирования“, изданную в 1924 г. Госпланом Союза в дискуссионном порядке. Если бы мы теперь подошли к этому документу с точки зрения наших современных установок, то я бы сказал, такой подход был бы неправилен, тут нужен генетический подход, нужно подойти с учетом, что называется, обстоятельств места и времени. Если прочесть его внимательно, то мы обнаружим, что и сам В. А. Базаров считает, что речь идет скорее о „плане восстановления“, чем о „плане реконструкции“. Он оговаривается при этом, что термин „восстановительный“ нельзя понимать слишком буквально, что простое восстановление нашего хозяйства в тех формах и соотношениях, какие оно имело до войны и революции, не может быть задачей современного планирования. „Довоенные отношения, — пишет он, — указывают в первом приближении лишь тот минимальный уровень производительных сил, которого необходимо достигнуть, для того, чтобы дальнейшее развитие могло быть поставлено на здоровые рельсы; но они никоим образом не дают готовой схемы желательных соотношений между отдельными подразделениями народного труда“. Проектируется этот восстановительный план на 5—10 лет. Уже и здесь В. А. говорит о необходимости балансового метода плана и возражает против погодного расчета, считая, что он может быть продуктом либо наивного утопизма, либо прямого шарлатанства.

Затем он отстаивает ту мысль, что все отрасли народного хозяйства, в том числе промышленность, нужно проектировать в формах нэпа, что нельзя отрицать форм нэпа при проектировках перспективного плана и что ценностные категории на данной стадии являются необходимыми. Дальше чрезвычайно любопытным является такое отражение взглядов того времени. „Спрашивают, — говорит В. А., — возможно ли и нужно ли разрабатывать перспективный план государственного хозяйства, когда огромное большинство трудящихся — крестьяне, кустари, ремесленники, — работают вне непосредственного государственного контроля, когда не поддающийся никакому регулированию „урожай“ может перевернуть вверх ногами самый прекрасный план и когда над этой двойственной системой государственных и частных хозяйств господствует товарный

рынок с его стихийными приливами и отливами. Не правильнее ли, при таких условиях отбросить утопии (некоторые прибавляют: „мелкобуржуазные“ утопии) широкого и далекого планирования, довольствуясь экономической политикой, основанной на точном учете конъюнктуры момента и ближайшего, конкретно уже намечающегося будущего“.

На этот вопрос, подвергающий сомнению самую возможность построения плана, В. А. отвечает — и это необходимо отметить, чтобы правильно уяснить его позицию — отрицательно.

Переходя далее к конкретным методам построения плана, В. А. считает, что на первый взгляд наиболее трезвым и надежным подходом можно было бы признать экстраполяцию уже фактически определившихся в динамике нашего народного хозяйства за последние годы тенденций к его оздоровлению. Такой чисто генетический путь к выяснению перспектив ближайшего развития, говорит он, попытался применить Трансплан в своей большой и во многих отношениях очень поучительной работе, набрасывающей на 12 лет вперед основные линии развития железнодорожного транспорта и грузооборота. Однако, работа эта вскрыла полную невозможность последовательного проведения „генетического метода“. Нигде „генетический“ метод не дал удовлетворительного результата. И В. А. Базаров вполне правильно видит объяснение этому в том, что „экстраполяция коэффициентов, выведенных из наблюдения хозяйственного развития двух — трех последних, в высокой степени аномальных лет, не может послужить фундаментом для построения перспективной программы нашего хозяйственного возрождения“. Он приходит к выводу, что „план восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в непосредственном заведывании государства, должен строиться не генетически, а телеологически, не путем проектирования в будущее фактической динамики настоящего, а путем целевого построения таких преобразований в современной промышленности, при осуществлении которых ее фактическая динамика впервые сможет стать выражением тенденций здорового и прочного развития“.

Иначе обстоит дело с сельским хозяйством. Государство здесь не является хозяином; лишь косвенно, мерами экономической политики может оно стимулировать те или другие, естественно намечающиеся тенденции. „Целевая конструкция, — пишет В. А. в своей брошюре, — была бы в данном случае лишена всякого практического значения. Перспектива сельскохозяйственного развития может быть построена лишь генетически; ...выявление фактических тенденций развития в крестьянском хозяйстве (фактических тенденций развития в первые годы нэпа! Н. К.) сможет дать достаточно надежные коэффициенты и во всяком случае представляет единственный путь к уяснению перспектив (разрядка всюду моя. Н. К.) этой количественно доми-

нирующей отрасли национального производства". „Телеологически... вносимые коррективы могут быть здесь лишь скромной надстройкой на широком базисе генетически установленных тенденций развития“.

И отсюда вывод: „Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности“ (разрядка моя. Н. К.). Любопытный вывод, от которого теперь В. А. вероятно, радикальнейшим образом откажется. Что тем самым провозглашается? Примат сельского хозяйства, его ведущая роль. Сделав „реверанс“ в сторону телеологического момента, В. А. немедленно же затем поворачивается к нему спиной. Хорошенькая телеологическая установка в плане развития народного хозяйства, которая целиком подчинена ведущей роли сельского хозяйства! При чем какого сельского хозяйства?! — В основном стихийно развивающегося по линии тенденций первых лет нэпа. И это на 5—10 лет, т.е. во втором случае до 1934 г.

Уже значительно позже, в 1926 г., в статье „О методологии перспективных планов“, напечатанной в июльском номере „План. Хоз.“, касаясь той же темы, В. А. пишет: „Прямое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказывать лишь в той мере, в какой государственная промышленность представляет определенный спрос на с.-х. сырье. Косвенно, через фонд заработной платы размах оперативной деятельности государственных предприятий и учреждений определяет ту долю товарной сельскохозяйственной продукции, которая потребляется рабочими и служащими. Таким образом, в этой части развитие производительных сил в сельском хозяйстве с количественной и качественной стороны предreshается потребностями государственного сектора, в пределах которого плановая телеология находит себе наиболее широкое применение. В остальном перспективы сельского хозяйства должны базироваться на объективном изучении исторически наметившихся закономерностей внутреннего роста и тенденцией мирового рынка“. Позволительно спросить: В. А. полагает, что никаких иных методов воздействия на сельское хозяйство, кроме перечисленных выше (прямое воздействие через спрос на с.-х. сырье, косвенное — через фонд заработной платы), у нас нет? Ну, а контрактация, — это прямое, организованное воздействие государства на продукцию сельского хозяйства, прямые задания произвести определенные количества пшеницы, ржи, кукурузы и т. д. с подписанием соответствующих контрактов! Ну, а такой метод, как снабжение удобрениями по льготным ценам определенных категорий производителей? А машиноснабжение? А государственный кредит сельскому хозяйству, а тракторные колонны с индустриальными методами обработки земли и продуктов сельского хозяйства,

а прямая организующая роль рабочего класса и его партии? Словом, здесь мы должны констатировать прямой недоучет возможностей организованного воздействия даже на этот стихийный сектор народного хозяйства, возможностей его подчинения себе, возможностей постепенного уменьшения этой стихийности и все большего вращивания сельского хозяйства в систему нашей экономики.

Вот эти установки чрезвычайно характерны и для объяснения последующих работ В. А., к которым я перейду. Вы, таким образом, видите, что в основе проектировок сельского хозяйства, — а за ними тянутся и проектировки других отраслей, — должны лежать кривые их прошлого развития за большие периоды времени. Отсюда и „все качества“ и основная окраска работы В. А. о „Кривых развития капиталистического и советского хозяйства“, — интереснейшей работы, которая была напечатана в ряде номеров „План. Хоз.“ за 1926 г., начиная с № 4 и затем отдельным изданием со значительными дополнениями.

Я не имею возможности останавливаться на различных сторонах этой работы, останавлиюсь только на том основном, что мне кажется наиболее характерным для нее и определяющим и что предreshает ее оценку.

В. А. правильно говорит, что мы, будучи заняты в наших работах планирования, часто не имеем времени для того, чтобы теоретически надлежащим образом осмыслить происходящее и на теоретических построениях базировать наши проектировки. Поэтому он обращает свой взор к арсеналу „существующей науки“ и ставит вопрос: не можем ли мы что-либо позаимствовать отсюда, чтобы вооружиться в наших работах. С точки зрения перспективного планирования, говорит он, нас интересуют две кардинальные проблемы: первая — условия равновесия хозяйственной системы, вторая — „траектория перехода“ (я бы и здесь сказал: условия перехода! Н. К.) от одной системы равновесия к другой. Общие контуры для решения первой проблемы (впервые постановленной Кенэ) даны Марксом в т. II „Капитала“. Дальнейшей разработки она еще ждет.

Иначе обстоит дело со второй проблемой, разработке которой посвящены многочисленные исследования.

„В буржуазной науке изучению динамики капиталистического хозяйства уделено особенно много сил, — говорит В. А. И, несмотря на неприемлемость с марксистской точки зрения тех теоретических предпосылок, которыми руководились буржуазные ученые, многие добытые ими частичные результаты и, в особенности, многие методологические приемы исследования заслуживают самого серьезного внимания со стороны деятелей советского планового хозяйства“. Я с ним совершенно соглашаюсь. Конечно, многие практические приемы, методические приемы разработки, — будут для нас чрезвычайно полезны. Но вот тут-то, как-раз, корень зла и заключается: бытие В. А. определило в дальнейшем его сознание, — изучение им

с этой целью буржуазных экономистов сделало то, что он подпал под некоторое их влияние и пришел в самом начале к выводу, который сразу же необходимо критически оценить и взвесить. Он говорит: „Форма эволюторной кривой, возможные темпы общего развития и закономерности в смене этих темпов,— вопросы, которые прежде всего приходится решать, приступая к перспективному планированию“. Вот, товарищи, отсюда и „все качества“, отсюда и споры о том, будет ли кривая развития носить эс-образный характер или какой-либо иной. Но отсюда и пути проектировки отраслей и отдельных проблем народнохозяйственного целого. Вначале проектировка формы эволюторной кривой, а затем, в последующем,— конкретизация.

Но как вы будете проектировать эту кривую? На основе, очевидно, какого-то опыта. Какого опыта? Совершенно ясно, что над вами будет тяготеть тот самый опыт, который очаровал и рязанского товарища. Совершенно ясно, что здесь прошлое будет тяготеть над вашими проектировками, будет на вас давить. И вот эта сторона дела, этот первоначальный дефект в самом подходе, он будет сказываться на всей последующей работе.

Но у В. А. этот первородный грех как будто находит все же, под влиянием плановой практики и воздействия коллектива, в котором он работает, значительное преодоление. В частности, в этом споре о примате телеологического принципа в проектировках или генетического, В. А. сумел занять наиболее верную позицию, и в своей статье в № 2 „План. Хоз.“ за 1928 г., в работе, которую он вел отчасти несколько позже, отчасти параллельно с нашими методологическими проработками по генеральному плану,— он пишет: „Всякий перспективный план народного хозяйства, будет ли это генеральный план, пятилетка или контрольные цифры, должен представлять собой синтез директивы и прогноза, т.е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости. Часто возникающие среди плановых работников прения о том, какому из этих двух элементов должно быть отдано преимущество, по нашему мнению, являются сплошным недоразумением, вытекающим из неправильной постановки вопроса. Телеология и генетика — не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого“. Если согласиться с В. А. и если так подойти к делу, то тогда следует сказать, что эти самые кривые развития придется принимать с большой осторожностью. Вернее, принимать их совсем не придется, а придется лишь пользоваться ими, сопоставляя с ними наши проектировки. И во всяком случае придется отрешиться от приведенных основных установок, которые дал В. А. (сначала форма эволюторной кривой, а затем уже, исходя из нее, детализация разработки плана). Форма эволюторных кривых, темпы развития,— все это вопросы, которые получают разрешение лишь в результате глубочайшей

и всесторонней проработки проблем генерального плана и выявления возможностей всесторонней реконструкции как технико-и организационно-производственной, так и социальной, т.е. лишь к моменту „окончательной“ верстки плана. Затем они будут пересматриваться по мере его уточнения. Мы не говорим уже здесь о „закономерностях“. Каких закономерностях? Закономерности нового общества глубоко отличные от старого, могут быть познаваемы в лучшем случае лишь по мере развертывания того строя, над созданием которого мы работаем, и меньше всего они могут быть определены в самом начале работы.

Переходя к другим литературным документам, я хочу отметить работу тов. Шарова „Цель в плане и задачи нашего хозяйства“, которая является протестом другого товарища из Рязани против того увлечения этими самыми кривыми развития, господствовавшими почти безраздельно в течение ряда лет. Тов. Шаров в июльском номере „План. Хоз.“ за 1926 г., совершенно правильно указал на организующую роль государства и подчеркнул, считая себя и сторонников его концепции телеологическими максималистами, что „телеологический максимализм смотрит на советскую государственность, как на власть, которая имеет право, долг и возможность рассматривать себя и действовать в качестве действительного организатора народного хозяйства, а не в качестве одной из равноправных сил, борющихся за руководство этим хозяйством и балансирующих на волнах стихии“.

Однако, все на свете развивается диалектически, и тов. Шаров не составил в этом отношении исключения. Борясь против фаталистической безыдейности и пассивности проектировок, завязших в „кривых развития“, он впал в противоположную крайность, недооценивая значения объективных факторов в планировании. Наиболее ярким выражением этого увлечения может служить следующий абзац из названной его статьи: „С точки зрения целевой установки план является не исследованием и не предсказанием, а подготовкой и наметкой решения. Само составление плана представляется, таким образом, работой не научно-исследовательской, а административной“. В этом отношении его более ранняя работа „К вопросу о губернских хозяйственных планах“ (№ 1 „План. Хоз.“ за 1925 г.), в которой он уделяет много внимания и генеральному плану, является гораздо более свободной от чрезмерных увлечений всемогуществом „администратора-распорядителя“.

Я, товарищи, не имею возможности останавливаться здесь на целом ряде других работ, имеющих отношение к генеральному плану, не буду этого делать по разным причинам. Интереснейшие работы Г. М. Кржижановского, напечатанные, главным образом, в „Плановом Хозяйстве“, в большинстве случаев касаются регулятивных идей принципов экономической политики, основных принципов генерального плана, основных идей реконструкции и т. д. Словом, выходят уже за рамки методологических проблем в собственном смысле слова и

относятся к вопросам, которые так или иначе должны рассматриваться уже в самом плане. Особое, руководящее место занимают две его программные работы, напечатанные в № 7 „План. Хоз.“ за 1925 г. и давшие первоначальный толчок работам по генеральному плану.

Работы П. С. Осадчего, напечатанные в „План. Хоз.“, и статьи, печатавшиеся прошлым летом в „Правде“, целиком посвящены проблемам реконструкции технико-экономической. Затем имеется статья на методологические темы В. Р. Чернышева в „План. Хоз.“; некоторые методологические замечания можно найти в статье С. Г. Струмилина в № 3 „План. Хоз.“ за 1927 г. Я не имею здесь возможности на них останавливаться. Я не буду детально останавливаться также и на двух последних интересных работах — на работе В. А. Базарова в февральском номере „План. Хоз.“ — „Принципы построения перспективного плана“, как и на его работе „Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса“, о которой можно было бы говорить; — не буду останавливаться и на интересной брошюре тов. Вайсберга „Принципы и пр.“, потому что и эта работа посвящена, в первую очередь, политическим установкам, принципам экономической политики, регулятивным принципам. Лишь в конце тут затронуты некоторые методологические вопросы, такие, как скажем, вопрос о балансовых прикидках, о вариантах в плане, сроках проектировок, о погодной разбивке. Остановлюсь лишь еще на двух работах, которые не напечатаны, но коснуться которых я испросил разрешение у их авторов. Это, во-первых, работа проф. Никитского, доложенная в Комиссии генерального плана: „О методах и результатах построения перспективного и генерального планов“. Она интересна потому, что представляет собой крайнее выражение вот этого, если употреблять установившуюся терминологию, генетического течения. Проф. Никитский неоднократно применял свой метод и в печатных работах. По его предсказаниям бюджета, например, можно судить о том, к чему этот метод сводится. Это есть логическое развитие метода кривых. Идея этим методом, он определяет сначала на основе закономерностей прошлого и корреляции явлений в прошлом суммарные величины, затем разлагает и детализирует их. Опираясь на вековые линии развития, он эмпирическим путем, руководствуясь чисто внешними признаками, проектирует развитие таких надстроечного порядка явлений, как, например, бюджет нашего Союза и утверждает, что с величайшей точностью может предсказать этот бюджет на ряд лет вперед. Формулировки его настолько характерны, что я прямо зачитаю некоторые из них: ¹ „Определение сначала результативных величин (на основе вековых линий развития. Н. К.). увязка их между собою и последующее разложение их на те частные слагаемые, из которых они состоят — метод, пропагандируемый

¹ Доклад проф. А. А. Никитского „О методах и результатах построения перспективного и генерального планов“, тезисы 4 и 5.

мною“. И дальше: „Осторожное пользование субъективными элементами планирования, т.-е. идеями реконструкции хозяйства, возможности воздействия на экономику политикой, достижения в определенных сроки определенных целей и т. п., словом, большее ударение на момент научного предвидения, чем возможных результатов преобразований“. Вот логически развернутая концепция проектировки плана на основании закономерностей прошлого.

Прямыми антиподами проф. Никитского являются цитированные мною выше тов. Шаров и тов. Астерман, работа которого также не опубликована. Как я уже упоминал, я имею разрешение от автора также коснуться и ее. За недостатком времени постараюсь это сделать в двух словах. Работа эта чрезвычайно интересная. Я должен прямо сказать, что если бы я ознакомился с ней не пять дней тому назад, а полгода тому назад (она написана в марте 1927 г.), то наша критическая работа по генеральному плану была бы в значительной степени облегчена. Что же касается положительных построений, то мы пошли значительно дальше.

Это имеет место как в отношении разработки программы генерального плана, так и в отношении разработки общей методологии его, методики, проработки отдельных частей плана и сводки его в единое экономическое целое. Так вот, в этой работе тов. Астермана мы имеем прямой антипод методологическим установкам проф. Никитского. Тов. Астерман также полагает необходимым взять вначале для проектирования основные установки, но какие: не результативные величины, запроектированные на основании изучения закономерностей прошлого и кривых развития, как это делает проф. Никитский, а их прямую противоположность: во-первых, коренную техническую реконструкцию; во-вторых, „коренную (подчеркнуто Астерманом) перестройку (хозяйства СССР)... в социально-экономическом отношении“. Социально-экономическая реконструкция, которую проектирует автор цитируемой работы, „предполагает полную и коренную перестройку взаимоотношений агентов хозяйственного процесса в сторону подавления индивидуального хозяйства обобществленным“. К 1941 г. (конечный срок старых проектировок генплана) „все народное хозяйство представляется обобществленным“. Это относится ко всем видам промышленности, всему транспорту, обращению и всему сельскому хозяйству. „Частное хозяйство в нуле“.

Полученное, таким образом, построение ретроспективно направляется к минимуму, т.-е. к исходному году, как выражается тов. Астерман, т.-е., говоря проще, разверстывается во времени. Какой год при этом является „исходным“ — строго говоря решить трудно.

Таким образом, перед нами две крайне противоположных концепции, два крайне противоположных метода, которые, однако, благодаря этой крайней противоположности, обнаруживают черты сходства: там — определение сначала на основе закономерностей прошлого „результативных величин“ и „последующее разложение их на частные сла-

гаемые“ с призывом к осторожности в пользовании идеями реконструкции и целевыми установками, здесь — дедуктивное построение цели, если так можно выразиться, стопроцентного (и, по сути дела, в такой стопроцентности лишь абстрактно мыслимого) социализма (действительность дает экономические формы всегда осложненными) при чем построение его к произвольно взятому сроку, и затем—ретроспективная разверстка заданий во времени.

Обе методологические концепции, кроме всего прочего, страдают крайней упрощенностью. Таких планов по методу, предлагаемому т. Астерманом, можно построить n -ое количество, и все они будут одинаково обоснованы или необоснованы.

По методу проф. Никитского может быть построен, строго говоря, только один план, который и представляет собою вариант экономического развития, от века предрешенный закономерностями прошлого.

Само собою разумеется, что ни та, ни другая методологическая установка не может быть нами принята. Мы в своей работе противопоставляем этим приемам метод изыскания и построения возможного оптимума развития, определяемого¹ на основе познания потенциальных производительных сил и производственных возможностей, имеющихся в нашем распоряжении в данное время, изучения достижений современной техники и закономерностей развития за прошлый период и прочих условий проектирования и соподчинения всех этих моментов тем целевым установкам, которые мы ставим перед собой.

Эту методологию генерального плана, плана реконструкции, мы и предлагаем вашему вниманию.

¹ Или, если хотите, конструируемого, чтобы кто-либо не понял это как пассивное искание вне нас лежащего оптимума, который только надлежит найти.